

Было уже около 7 часов вечера, когда я писала это письмо, оно доказывает, как мы были успокоены. Александрина^{XXII} сказала, что в мое отсутствие тетя принесла особые маленькие булочки к чаю, которые она велела испечь к его празднику, они были на масле и дядя их очень любил. Намереваясь их попробовать, он дотронулся до одной и улыбнулся тете: *«Ну, благодарствуй, матушка, что эти булочки спечь приказала, — сказал он, — в мои именины мы ими будем гостей подчивать, вот добрая, знать, жена, что наперед о мужниных именинах помнит»*. *«Мамичка, — сказала она, — и эти булочки не для тебя; ты знаешь, и они тебе вредны»*. *«Знаю, ответил он ей, — и это для гостей»*. В этот момент вошла я, и почти тотчас же князь Шихматов и его зять молодой Тырков^{XXIII} приехали к нам. Дядя отдыхал в это время в гостиной на красном сафьяновом диване; он усадил князя рядом с собой, поговорил с ним о разных вещах и, снова попросив есть, получил в ответ просьбу подождать немного, повернулся к князю: *«Ну посмотри, братец, что за житье, есть не дают»*. Он сказал, что мы все были в заговоре с тетей, чтобы мешали ему есть. *«Помнишь ли, — сказал он мне, — петербургские ерши?» — «Помню, дяденька», — и я рассказала князю, что, уезжая в Званку на несколько дней, моя тетя поручила мне заботы по хозяйству, и особенно о строгом наблюдении за диетой моего дяди. Однажды за завтраком он сказал мне, что дома обедать не будет, так как обещал графу Пушкину обедать у него: «А тебе, чтоб не скучно было, то забезу тебя к Лизе, а вечером приезжай часу в десятом», — так мы расстались. И действительно, днем его не было, но, вернувшись домой на час раньше, чем обещал, он тотчас же заказал суп. «Скажите, чтобы поторопились ершей сварить», — сказал он моим кузинам Капнист, — чтобы мы успели поужинать до Пашиного приезда». Рыба была тотчас же куплена, сварена и принесена в гостиную. Едва мой дядя сел за стол, как я, словно тень, появилась перед ним. «Эка злодейка, без себя и поужинать не даст. Я так торопился, а она как сон в руку». То, что он намеревался съесть, было слишком безобидно, чтобы повредило его здоровью. Боясь его рассердить и сделать ему еще хуже, я поцеловала ему руку и просила только не есть слишком много. Князь Шихматов и молодой Тырков были еще здесь, когда один из музыкантов принес подстреленную им дичь. Дичи было много, и дядя велел его позвать. «Спасибо, Андрей, что так много дичи принес. Матушка, — сказал он, обращаясь к тете, — дай ему пять рублей; да нее забудь же, а дичь ту мы с соседями поделим, прикажи с князем отпустить половину». Потом, вспомнив об охотнике, он сказал: «Хорошо, Андрей, что много принес, но экономию надо знать; будет ли у нас дичины к моим именинам, а то всю перестреляешь, а тогда*